

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Мыльные пузыри.

Восьмидесятые и девяностые годы принято называть временемъ малыхъ дѣлъ. То время, которое мы теперь переживаемъ, правильнѣе всего назвать временемъ маленькихъ людей.

Кто теперь больше всего занимаетъ общественное вниманіе? Найдете ли вы среди героевъ нашего времени хоть одну крупную не южнинную личность?

Пуришкевичъ.

Популярнѣе чловѣка не найдешь. Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Молодой генераль. Вершить всяческія дѣла не хуже любого директора департамента.

А между тѣмъ этотъ генераль и популярнѣйшій общественный дѣятель какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ добивался какъ великой для себя чести скромнаго мѣста столоначальника одной изъ петербургскихъ канцелярій.

Но и это скромное мѣсто оказалось ему не по плечу. Онъ потерпѣлъ фiasco въ своихъ домогательствахъ.

Марковъ 2-й.

Тоже фигура достаточно популярная. Чѣмъ онъ былъ до того, какъ сталъ такимъ, какимъ мы его знаемъ? О чѣмъ онъ мечталъ? Чего добивался? Все это скрыто мракомъ неизвѣстности. Быть-можетъ, даже скромное мѣсто столоначальника казалось ему недосягаемой ступенью іерархической лѣстницы. Про него можно сказать одно. Чловѣкъ изъ полной безвѣстности и абсолютнаго ничтожества однимъ махомъ выплылъ на самыя верхи общественной жизни.

Іеромонахъ Иллѣодоръ.

Фигура, пожалуй, еще болѣе популярная, чѣмъ обѣ предыдущія. Тоже вынырнулъ изъ полной неизвѣстности. А вниманіе о щества приковалъ къ себѣ такъ, что любому великому чловѣку поцѣтать.

Когда онъ удралъ пѣшкомъ изъ Петербурга, по всѣмъ направленіямъ полетѣли газетные корреспонденты ловить Иллѣодора. Въ газетахъ завелся особый отдѣлъ „Сѣгствс Иллѣодора“. И теперь еще, нѣтъ-нѣтъ, да и проскользнетъ на газетныхъ столбцахъ заголовокъ, отпечатанный жирнымъ шрифтомъ: „Іеромонахъ Иллѣодоръ“.

Чего хотятъ эти господа, чего добиваются, каково ихъ сѣдо? Кто можетъ отвѣтитъ на эти вопросы?

Лозунгъ у нихъ у всѣхъ одинъ. Лозунгъ, вложенный Горькимъ въ уста Алешки:

А я такой чловѣкъ, что ничего не желаю! Пойду лягу середь улицы—дави меня! Я—ничего не желаю!

Правда, у Пуришкевича есть одно желаніе: подложить свинью Крупенскимъ. Но это у себя въ губерніи. А чего онъ желаетъ въ Думѣ? Выказалъ ли онъ съ Марковымъ хоть одинъ разъ свою программу? Выработали ли они хоть одинъ законопроектъ?

На трибуну они выходятъ только для того, чтобы совершить какую-нибудь непристойность.

— Пойду лягу посреди Думы! И—ничего я не желаю.

Вотъ и вся ихъ политическая программа! Чего желаетъ Иллѣодоръ? Его желанія и программа извѣстны намъ еще меньше.

Я много разъ пытался доискаться хотя бы до капли смысла во всѣхъ неистовствахъ Иллѣодора. И всегда безуспѣшно.

Ни разу, читая въ газетахъ о новой выходкѣ Иллѣодора, я не могъ рѣшить, откуда сыр-боръ загорѣлся.

Чловѣкъ скандалитъ только потому, что онъ „ничего не желаетъ“.

И ложится-то посреди Астрахани, то посреди Петербурга. А то вдоль всей Волги вытянется.

И все-таки эти господа привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Изъ этого можно заключить, какъ сильно упалъ у насъ тонусъ общественной жизни.

Когда въ захолустномъ городишкѣ ведутъ въ участокъ пьянаго чловѣка—это событіе дня города. У людей нѣтъ никакихъ интересовъ. Имъ нечего дѣлать. А потому всякій скандалъ на улицѣ привлекаетъ ихъ вниманіе. Они высыпаютъ изъ своихъ угловъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ „событіи“.

Столичный житель пробѣгаетъ мимо такихъ „событій“. У него нѣтъ времени глязѣть на уличные скандалы. Его ждетъ настоящее, неотложное дѣло. И онъ, взглянувъ мелькомъ на влекомаго стражемъ общественной безопасности скандалиста, бѣжитъ дальше.

Если Алешка Горькаго ляжетъ поперекъ столичной улицы и заявить:

— Ничего я не желаю!

Кто обратитъ на него вниманіе въ столицѣ?

— Лежи себѣ, сколько душѣ твоей угодно.

Но сдѣлай то же самое Алешка въ захолустной дырѣ, половина города вокругъ него соберется. Еще бы, чловѣкъ лежитъ и заявляетъ, что онъ ничего не желаетъ!

А теперь вся страна смотритъ, какъ сумасшедшій генераль лежитъ поперекъ Думы, а полоумный монахъ поперекъ Волги.

— Гляди-ко, лежитъ! И ничего не желаетъ!

И летятъ во всѣ газеты телеграммы, скачутъ во всѣ концы корреспонденты. Изъ-за чего?

Теперь, послѣ долгаго перерыва, Иллѣодоръ снова заставилъ говорить о себѣ печать, задумавъ второй по счету побѣгъ изъ Флорищевой пустыни.

Но, судя по газетнымъ извѣстіямъ, пылъ его неистовыхъ сторонниковъ немного простылъ.

Прошло все обаяніе, и Иллѣодоръ превратился въ простаго смертнаго, любящаго, чтобы о немъ говорили.

Такъ отзывался о немъ одинъ изъ недавнихъ поклонниковъ.

Плохо дѣло Иллѣодора, если даже поклонники о немъ такимъ языкомъ заговорили.

Свершается то, что неминуемо должно свершиться. Не въ мѣру раздувающійся мыльный пузырь всегда лопается.

Ростовъ.